

СТРУКТУРА ЦЕННОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

**О.В. МИТИНА^а, Е.И. ПЕРВИЧКО^а, А.Р. ЧИЖОВА^а,
Ю.Е. КОНЮХОВСКАЯ^а**

^а *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

The Structure of Values during the COVID-19 Pandemic

O.V. Mitina^a, E.I. Pervichko^a, A.R. Chizhova^a, Yu.E. Koniukhovskaia^a

^а *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Резюме

Во время пандемии COVID-19 люди столкнулись с рисками для жизни и здоровья, беспокойством за своих близких и ограничениями, ухудшающими качество жизни, поэтому допустимо предположить, что их структура ценностей могла измениться на индивидуальном и групповом уровнях. Целью исследования стал сравнительный анализ структуры ценностей молодежи и лиц среднего возраста на разных этапах пандемии COVID-19. Для измерения ценностного профиля использовался опросник Ш. Шварца (PVQ-R), который респонденты заполняли в два этапа. На первом этапе опросник заполнялся с помощью методического приема «ретроспективного оценивания», т.е. респондентов просили вспомнить свое состояние «до пандемии» (первый замер) и «первой волны» (в апреле 2020 г., второй замер). На втором этапе просили оценить их актуальное состояние на текущий момент, т.е. после спада «второй волны», в период начала

Abstract

During the COVID-19 pandemic, people faced risks to their lives and health, concern for their loved ones, and restrictions that worsened their quality of life, so it is acceptable to assume that their values' structure could change at the individual and group levels. The purpose of the study was a comparative analysis of the values' structure of young people and middle-aged people at different stages of the COVID-19 pandemic. To measure the value profile, the Sh. Schwartz questionnaire (PVQ-R) was used. Respondents filled it out in two stages. In the first stage, the questionnaire was filled out using the "retrospective assessment" method, that is, respondents were asked to recall their condition "before the pandemic" (measurement 1) and "at the first wave" (in April 2020, measurement 2). At the second stage, they were asked to assess

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00624.

The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00624.

распространения вакцинации (январь — март 2021 г., третий замер). В исследовании приняли участие 108 респондентов (86 женщин, 22 мужчины) в возрасте от 18 до 59 лет. Сопоставлялись обобщенные групповые ценностные профили трех замеров. Все ценности из групп «Открытость к изменениям», «Самоутверждение» и «Универсализм» имели динамику «вниз-вверх»: снижались во время «первой волны» и повышались при ослаблении угрозы. Для консервативных ценностей динамика была противоположной, «вверх-вниз», т.е. во время сильного стресса увеличивалось стремление к общественной стабильности, соблюдению правил, обязательств, традиций, что выполняло защитную функцию. Ценности индивидуального характера снижались, пока человек ощущал угрозу своему привычному существованию. Также была выявлена устойчивость системы ценностей: когда опасность уменьшилась, ценностные предпочтения вернулись в исходное состояние. Для половозрастных различий было установлено, что у женщин и у молодых респондентов структура ценностей более «подвижна» по сравнению с мужчинами и с респондентами среднего возраста соответственно.

Ключевые слова: ценностный круг Шварца, динамика ценностей, стресс, пандемия COVID-19, половозрастные различия, сравнение категориальных структур.

Митина Ольга Валентиновна — ведущий научный сотрудник, лаборатория общения, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психосемантика, количественная психология, психодиагностика, кросс-культурная психология, политическая психология, синергетика. E-mail: omitina@inbox.ru

Первичко Елена Ивановна — доцент, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Сфера научных интересов: клиническая психология, методология клинической психологии, патопсихология, психосоматика, клиническая

their current state after the “second wave”, when vaccination was spreading (January-March 2021, measurement 3). The study involved 108 respondents (86 women, and 22 men) aged 18 to 59 years. Generalized group value profiles of three measurements were compared. All values from the groups “Openness to change”, “Self-Affirmation” and “Universalism” had a “down-up” dynamic: they decreased during the “first wave” and increased with the weakening of the threat. For conservative values, the dynamics were the opposite of “up-down”, that is, during severe stress, the desire for social stability, compliance with rules, obligations, traditions increased, which performed a protective function. The values of an individual character decreased when a person felt a threat to his habitual existence. The stability of the value system was also revealed: when the danger decreased, the value preferences returned to their original state. For age and gender differences, it was found that the structure of values in women and young respondents is more “mobile”, compared with men and middle-aged respondents, respectively.

Keywords: Schwartz's value circle, dynamics of values, stress, COVID-19 pandemic, gender and age differences, comparison of categorical structures.

Olga V. Mitina — Lead Research Fellow, Laboratory of Communication, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology. Research Area: psychosemantics, quantitative psychology, psychodiagnostics, cross-cultural psychology, political psychology, synergetics. E-mail: omitina@inbox.ru

Elena I. Pervichko — Associate Professor, Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, DSc in Psychology. Research Area: clinical psychology, methodology of clinical psychology, pathopsychology, psychosomatics, clinical

психология эмоций, психология травматического стресса, клинико-психологическая диагностика, психотерапия.

E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Чижова Анастасия Романовна — выпускница специалитета, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: психосоматика, клиническая психология, расстройства пищевого поведения.

E-mail: chizhova_asya@mail.ru

Коноховская Юлия Егоровна — приглашенный исследователь, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: психосоматика, психология телесности, личностные расстройства, психотерапия.

E-mail: yekon@icloud.com

psychology of emotions, psychology of traumatic stress, clinical psychological assessment, psychotherapy.

E-mail: elena_pervichko@mail.ru

Anastasia R. Chizhova — Graduate, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Research Area: psychosomatics, clinical psychology, eating disorders.

E-mail: chizhova_asya@mail.ru

Yulia E. Koniukhovskaia — visiting researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Research Area: psychosomatics, psychology of physicality, personality disorders, psychotherapy.

E-mail: yekon@icloud.com

Пандемия COVID-19, захлестнувшая мир в 2020 г., стала значимым и кризисным явлением, характеризующимся постоянной угрозой здоровью и кардинальными изменениями жизни большого числа людей. В создавшихся условиях необходимо исследовать возможные изменения важных компонентов личностного функционирования в кризисной ситуации, включая сферу потребностей и мотивов, а также ценностную сферу личности (Bojanowska et al., 2021).

Исследователи подчеркивают, что именно ценности являются важнейшими ориентирами поведения людей в обществе и связаны с их меняющимися потребностями. Потребность, как известно, показывает силу стремления к ценности и одновременно влияет на значимость этой ценности, а ценности человека, в свою очередь, лежат в основе мотивационно-смысловой сферы личности, и поэтому они во многом детерминируют отношение субъекта к миру, себе, а также его поведение (в частности, его целенаправленность) (Леонтьев, 1998).

В различных подходах к изучению ценностей традиционно отмечается, что их структура может меняться в эпоху социальных катаклизмов, в условиях угрозы жизни и безопасности (Тихомандрицкая, 2000). Поскольку структура ценностей соответствует стремлениям по реализации потребностей, прежде всего витальных, то изменения в структуре потребностей приводят к изменениям в ценностях. А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1977) связывал ценности с эмоциями, а А. Маслоу (Маслоу, 2019) указывал на связь ценностей с реакциями страха и тревоги в ответ на ощущение угрозы.

Во многих исследованиях отмечается повышение уровня тревоги как у взрослых, так и у детей в условиях пандемии COVID-19 (Островский, Иванова, 2020; Первичко и др., 2020; Asmundson, Taylor, 2020; Rossi et al., 2020;

Salari et al., 2020; Тхостов, Рассказова, 2020), что отражает наличие признаков психологического неблагополучия и делает актуальным изучение динамики системы ценностей в этот период: очень важно понять, что происходит с системой ценностей в момент переживания столь сильной угрозы.

По данным С. Стейнерта (Steinert, 2021), во время пандемии COVID-19 тревожное состояние людей оказывает влияние на структуру их ценностей, смещая приоритет в сторону ценностей сохранения («безопасность», «конформность» и «традиции»). В то же время в исследовании А. Бояновской и коллег получены данные о повышении значимости ценности достижений в сочетании со снижением значимости гедонизма (Bojanowska et al., 2021). В целом, это согласуется с более ранними, допандемийными исследованиями изменения ценностной структуры во время других масштабных кризисных ситуаций (Sortheix et al., 2019; Verkasalo et al., 2006). По данным отечественных авторов, в период пандемии COVID-19 наши соотечественники к числу наиболее значимых ценностей относят собственное здоровье и здоровье близких, семейные отношения, ценности, связанные с достижениями и самореализацией, а также материальное благополучие (Зубова, 2020; Касатская, 2020; Попова, Мкоян, 2020). Перечисленные исследования, по сути, явились первыми в России, направленными на изучение ценностной сферы в условиях пандемии COVID-19. Однако в них в фокус внимания исследователей не попали такие аспекты, как анализ возрастных различий, а также возможной динамики структуры ценностей на разных этапах пандемии в разных половозрастных группах.

Вместе с тем пол и возраст — два демографических показателя, влияние которых на ценностные ориентации исследовалось в различных культурах и не вызывает сомнения. Так, в исследовании, проведенном в России незадолго до начала пандемии коронавируса, было установлено, что мужчины, в целом, склонны придавать большее значение таким ценностям, как успех, достижение целей, независимость и материальное благополучие, тогда как женщины больше ценят семью, дружбу, здоровье и гармонию в отношениях (Ржанова, Алексеева, 2017). В большом кросс-культурном исследовании, выполненном в первые годы XXI в., было показано, что ценностные предпочтения мужчин связаны с достижением успеха, власти и авторитета, в то время как женщины чаще выделяют ценности, связанные с гармонией, заботой о других и равноправием (Schwartz, Rubel, 2005). Схожие результаты получены и в ряде других исследований. Так, на американских респондентах было установлено, что мужчины более ориентированы на успех, свободу и преданность, а женщины — на заботу, традиции и гармонию (Gómez et al., 2013). Также были получены данные, показывающие, что в культурах с высоким уровнем равенства полов гендерные различия в ценностях меньше, чем в странах с более низким уровнем равенства полов (Schwartz, Rubel-Lifschitz, 2009). Этот результат свидетельствует также о динамике ценностей в соответствии с изменением культурно-социальных факторов.

Говоря о возрастных различиях, авторы обращают внимание на большее разнообразие в структуре ценностей у более молодых респондентов (см.,

например: Borg, 2018). Известно, что в подростковом и молодом возрасте значимость ценностей сохранения (среди которых ценности безопасности и здоровья) ниже, в сравнении со значимостью ценностей открытости изменениям (Cieciuch et al., 2015; Иосифян и др., 2019). У взрослых людей, как показано в многочисленных исследованиях, со временем значимость ценностей сохранения и заботы о других растёт, в то время как значимость противостоящих им ценностей открытости изменениям и самоутверждения, напротив, снижается (Schwartz, 2006). Результаты исследования О. Хеллевика (Hellevik, 2002) показали, что различия в ценностных ориентациях респондентов разных возрастных групп могут быть объяснены не только той «точкой жизненного цикла», в которой человек находится, но и когортными эффектами: люди, родившиеся в одно и то же время и выросшие в одной и той же социальной среде, могут иметь схожую структуру ценностей.

Также было показано, что развитие системы ценностей связано со значимыми жизненными событиями, в том числе с наличием стрессового и травматического опыта. Так, у людей, переживших ситуацию угрозы жизни (война, теракт, болезнь), структура ценностей меняется, причем не только у взрослых, но и у подростков: значение ценности безопасности возрастает, а ценности открытости новому опыту — уменьшается, что нетипично для молодого и подросткового возраста (Fischer, Tarquinio, 2002; Bardi, Goodwin, 2011; Barni et al., 2015; Иосифян и др., 2019). Показано, что как взрослые, так и подростки и даже дети, имеющие высокую значимость ценности личной безопасности, испытывают более выраженный страх начала войны (Boehnke, Schwartz, 1997).

Представленные выше данные, с нашей точки зрения, позволяют говорить о том, что структура ценностей в обществе зависит от социально-культурных факторов и способна к изменениям в эмоционально значимых ситуациях, особенно в ситуациях угрозы жизни и здоровью. Еще в конце прошлого века были зафиксированы изменения в структуре ценностей в результате политической перестройки в России (Леонтьев, 1998). Пандемия COVID-19, в свою очередь, хотя и временно, но кардинально перестроила жизнь общества в связи с витальной угрозой и страхом заражения новой коронавирусной инфекцией; ввела онлайн-формат работы и учебы, а также новые нормы по соблюдению социальной дистанции и правил самоизоляции при первых признаках заражения, что неминуемо повлекло за собой изменения в социокультурном, социально-психологическом и политическом аспектах (Town et al., 2022). Следовательно, допустимо предположить, что в создавшихся условиях возможны изменения структуры ценностей, причем они могут различаться как в половозрастных группах, так и на разных этапах пандемии.

Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования стал сравнительный анализ структуры ценностей молодежи и лиц среднего возраста на разных этапах пандемии COVID-19, по данным ретроспективного и актуального оценивания.

В качестве методологического базиса использовалась теория ценностей Ш. Шварца, а в качестве методического — его модифицированный портретный опросник измерения ценностного профиля (*Portrait Value Questionnaire* —

Материалы и методы исследования

Методы исследования

Как уже говорилось, для исследования ценностей использовался опросник диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца PVQ-R (Шварц и др., 2012). Показатель респондента по каждой из 19 ценностей определялся исходя из его ответов на три пункта, по каждому из которых нужно было сказать, насколько описываемый человек похож/не похож на него по шестибальной шкале, где 0 — «совсем не похож на меня», а 5 — «очень похож на меня».

Для определения уровня ситуативной и личностной тревожности использовалась методика Спилбергера–Ханина (Ханин, 1976). Респонденты должны были оценить свое состояние по четырехбалльной шкале, где 1 — «никогда», а 4 — «почти всегда», по 20 вопросам, касающимся текущего и общего состояния. В итоге общий балл для каждой из субшкал методики лежит в диапазоне от 20 до 80. Итоговый балл 30 и ниже интерпретируется как низкий уровень тревожности, 31–45 — средний уровень, 46 и более — высокий уровень.

Процедура исследования

Исследование проводилось в онлайн-формате в период с 4 января по 31 марта 2021 г. и проходило в два этапа.

На первом этапе респондентов просили ретроспективно ответить на пункты методики PVQ-R, вспоминая свое состояние «до пандемии» и «во время соблюдения режима самоизоляции». Таким образом, эти два набора ответов так или иначе отразили *представления* респондентов об их собственных ценностных приоритетах до начала пандемии (замер 1) и на пике максимальной эпидемиологической опасности (замер 2). На этом же этапе респонденты работали с вопросами методики Спилбергера–Ханина.

На втором этапе респонденты заполняли опросник PVQ-R, оценивая свое состояние на текущий момент, т.е. уже после снятия режима самоизоляции и спада «второй волны» пандемии коронавируса (замер 3).

Таким образом, для каждого участника исследования были получены по три структуры ценностей: до пандемии (ретроспективная самооценка), во время соблюдения режима самоизоляции (ретроспективная самооценка), после завершения режима самоизоляции (актуальная самооценка), а также данные о выраженности ситуационной и личностной тревожности на момент проведения первого обследования.

Методы статистического анализа данных

При обработке данных для определения значимости ценностей, согласно результатам опросника Ш. Шварца, была проведена процедура центрирования ответов респондентов: из текущего балла на пункт опросника, отражающего

степень согласия с утверждением, содержащимся в пункте, вычиталось среднее значение по всем 57 пунктам методики, а затем были посчитаны средние значения по центрированным таким образом пунктам, входящим в каждую ценность. Использование этой процедуры позволяет избежать влияния тенденции давать положительные ответы (Шварц и др., 2012; Schwartz, 2012). В результате диапазон изменения ценностей от 0 до 5 смещается в интервал от -5 до 5 с центром в нуле. Такой способ доказанно признан более корректным, так как позволяет более контрастно установить ценностную иерархию, не прибегая к ранжированию и тем самым сохраняя данные в интервальной шкале.

Для проверки гипотезы о различиях выраженности ценностей на разных этапах исследования использовались критерии сравнения двух групп: параметрические (Стьюдента для связанных и несвязанных выборок) и непараметрические (Уилкоксона и Манна–Уитни), а также повторных измерений (ANOVA с одним повторяющимся фактором) и соответствующий непараметрический тест Фридмана для связанных выборок.

Для выделения структур ценностей на общегрупповых данных, полученных на каждом из трех замеров, использовался эксплораторный факторный анализ.

Для методики оценки тревожности Спилберга–Ханина выполнялся подсчет суммарного балла по двум субшкалам — ситуативной и личностной тревожности.

Характеристика выборки исследования

Все этапы исследования полностью прошли 108 человек. В таблице 1 представлено распределение респондентов по социально-демографическим характеристикам.

Всех респондентов разделили на две группы: до 28 лет включительно (группа 1) и от 29 до 59 лет (группа 2). Такое деление обусловлено существующими представлениями о периодизации развития взрослых: в работах отечественных ученых предлагается окончанием периода молодости считать достижение возраста 29 лет (Карабанова, 2005; Слободчиков, Цукерман, 1996). Таким образом, именно этот возрастной «рубеж» был выбран нами для разделения выборки на молодых взрослых и лиц среднего возраста.

В таблице 2 представлено распределение мужчин и женщин в двух возрастных группах и в общей выборке. Возрастные выборки сбалансированы по полу. Что касается остальных социально-демографических характеристик, представленных в таблице 2, то все они оказались значимо связанными с половозрастными. Так, респонденты из выборки до 28 лет включительно в большинстве своем (94%) проживают в столичных городах, имеют неполное высшее образование (92%), преимущественно не состоят в браке (83%) и у них, как правило, нет детей (98%). Респонденты второй возрастной группы — это люди, как правило, имеющие высшее образование (73%), 68% из них состоят в браке и имеют детей.

Конечно, принадлежность к каждой из социально-демографических категорий, указанных в таблице 1, может влиять на динамику ценностей, однако, учитывая наличие достаточно высоких статистически значимых связей с возрастом у всех переменных, кроме пола, мы сфокусировались на половозрастной дифференциации.

Таблица 1

Социально-демографический состав выборки (в %)

Возраст	
От 18 до 59 лет, среднее 31 ± 12 , асимметрия 1.038, ст.ош. асимметрии 0.233	
Пол	
<i>Женщины</i>	80
<i>Мужчины</i>	20
Образование	
<i>Среднее</i>	32
<i>Неполное высшее</i>	27
<i>Высшее</i>	41
Семейный статус	
<i>Холост/не замужем</i>	61
<i>Женат/замужем*</i>	35
<i>Другое</i>	4
Наличие детей	
<i>Нет</i>	69
<i>Есть</i>	29
<i>Не указано</i>	2
Место проживания	
<i>Москва и Санкт-Петербург</i>	89
<i>Другое</i>	11
Опыт заболевания COVID-19	
<i>Не болел</i>	70
<i>Болел</i>	30

* В эту категорию вошли респонденты, состоящие не только в официальном, но и в гражданском браке.

Таблица 2

Распределение респондентов по полу и возрасту

Выборка	Всего респондентов	Мужчины	Женщины
Общая выборка	108	20.4%	79.6%
До 28 лет включительно	64	20.3%	79.7%
29 лет и старше	44	20.5%	79.5%

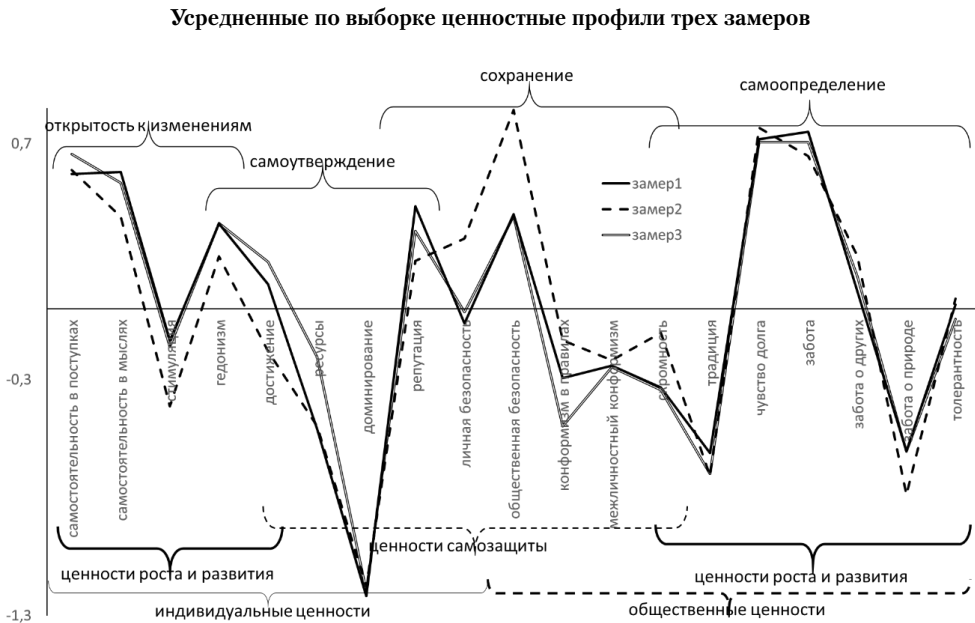
Результаты

Оценка динамики изменений ценностного спектра до пандемии, во время периода самоизоляции и после снятия режима самоизоляции

График ценностного спектра по результатам ответов всей выборки представлен на рисунке 2.

Сравнение ценностей во время первого (до начала пандемии) и третьего замеров (после снятия режима самоизоляции и спада «второй волны» пандемии) показало их значительное совпадение. Исключением стало то, что приоритет материального достатка (*ресурсы*) повысился, а представления о необходимости соблюдения *правил (конформизм)* снизились. Можно предположить, что переживание пандемии, ощущение угрозы снижения качества жизни в наибольшей степени отразились именно на этих двух ценностях. С одной стороны, карантинные меры привели к приостановлению работы предприятий и снижению материального дохода у большого числа людей, а с другой стороны, карантин сопровождался длительным соблюдением непривычно жестких общественных ограничений, и возвращение к прежнему образу жизни привело к движению данных ценностей к другому полюсу, подобно колебанию маятника.

Рисунок 2

Примечание. Замер 1 — до пандемии, замер 2 — во время режима самоизоляции, замер 3 — после окончания «второй волны» пандемии.

Сравнение первого и второго замеров (до пандемии и во время соблюдения самоизоляции) показало, что во время самоизоляции стали менее значимыми ценности роста и развития индивидуального характера, *забота о природе* (единственная ценность роста и развития общественного характера), своим *имидже* (единственная ценность индивидуального характера, связанная с самозащитой). Наоборот, более значимыми оказались ценности самозащиты общественного характера (такие как *общественная безопасность, межличностный конформизм, скромность*) и *личная безопасность* (ценность самозащиты индивидуального характера, в максимальной степени связанная со здоровьем).

Таким образом, установлено, что во время самоизоляции ценность общественной безопасности выходит на первый план.

Проверка гипотезы о наличии половозрастных различий в динамике ценностного спектра по результатам трех замеров

Сравнение различий динамики ценностного спектра в двух возрастных группах, отдельно у женщин и у мужчин

Исследование динамики ценностного спектра женщин показало, что на первом этапе различия между первой и второй подгруппами женщин были зафиксированы в 10 ценностях из 19 (см. таблицу 3). Ожидается, что у более молодых женщин более значимыми оказались *гедонизм* и *стимуляция* (ценности роста и развития индивидуального характера), а также *благожелательность* и *толерантность* (ценности общественного характера). Кроме того, в первой группе менее выраженными оказались *личная безопасность*, а также ценности роста и развития общественного характера: *скромность, соблюдение традиций* и *забота о природе*.

На втором этапе различия несколько нивелировались: у молодых женщин снизился *гедонизм* и повысилась ценность *личной безопасности*.

На третьем этапе структуры ценностей вернулись практически к исходному уровню. Исключение — *общественная безопасность*: в первой подгруппе она снизилась сильнее, чем во второй, поэтому при третьем замере расхождение в этой ценности между подгруппами женщин оказалось значимым. Ценности *заботы о других* и *толерантности* в подгруппе женщин до 28 лет снизились, а в подгруппе от 29 лет не изменились, в результате в первом случае расхождение стало значимым, а во втором, наоборот, перестало быть таковым.

Сравнение ценностного спектра среди мужчин в двух возрастных группах показало меньше значимых различий, что мы объясняем меньшим объемом мужской подвыборки в целом, однако тем ценнее выявленные значимые различия (см. таблицу 3). Во-первых, ценность *традиции* у молодых мужчин значительно ниже, чем у мужчин 29 лет и старше, на протяжении всех трех замеров, что похоже на результаты по женской подвыборке. Во-вторых, *толерантность* у более взрослых мужчин имела более низкий приоритет до пандемии и после «второй волны», а во время периода самоизоляции возрастных

Таблица 3

Значимые различия средних значений в структуре ценностей женщин и мужчин сравнимых возрастных групп по результатам трех замеров

Ценности	Первый замер (до пандемии)			Второй замер (во время самоизоляции)			Третий замер (после «второй волны»)		
	До 28 лет	От 29 лет	<i>p</i>	До 28 лет	От 29 лет	<i>p</i>	До 28 лет	От 29 лет	<i>p</i>
<i>Женщины</i>									
3. Стимуляция	0.075	-0.514	0.000	-0.387	-0.587	0.053	-0.068	-0.398	0.011
4. Гедонизм	0.507	0.143	0.016	0.358	0.118	0.115	0.485	0.190	0.069
5. Достижение	0.363	-0.199	0.003	0.011	-0.492	0.011	0.412	-0.094	0.007
9. Безопасность: личная	-0.284	0.153	0.017	0.266	0.356	0.592	-0.148	0.073	0.028
10. Безопасность: общественная	0.356	0.601	0.213	0.861	0.946	0.930	0.325	0.622	0.054
13. Скромность	-0.552	-0.114	0.014	-0.283	0.032	0.072	-0.595	-0.064	0.001
14. Традиция	-0.872	-0.304	0.008	-1.008	-0.330	0.003	-0.982	-0.398	0.006
15. Благожелательность: чувство долга	0.827	0.477	0.002	0.933	0.537	0.001	0.892	0.504	0.002
16. Благожелательность: забота	0.827	0.620	0.082	0.776	0.508	0.034	0.858	0.524	0.005
17. Универсализм: забота о других	-0.029	0.220	0.297	0.103	0.356	0.249	-0.068	0.347	0.020
18. Универсализм: забота о природе	-0.787	-0.257	0.004	-0.982	-0.482	0.022	-0.802	-0.202	0.016
19. Универсализм: толерантность	0.219	-0.009	0.034	0.227	-0.035	0.048	0.078	0.004	0.460
<i>Мужчины</i>									
8. Репутация	0.394	0.807	0.117	0.030	0.827	0.057	-0.085	0.688	0.171
14. Традиция	-0.837	-0.008	0.057	-1.175	0.197	0.021	-0.957	0.096	0.077
16. Благожелательность: забота	0.702	0.881	0.616	0.594	0.530	0.947	0.377	1.021	0.035
19. Универсализм: толерантность	-0.144	-0.786	0.066	-0.227	-0.322	0.713	-0.136	-0.756	0.089

Примечание. Жирным шрифтом выделены *p*-значения, полученные по параметрическому критерию выборок, меньшие 0.05. Жирным курсивом – *p*-значения, меньшие 0.1. Результаты, полученные с помощью непараметрического аналога, во всех случаях согласуются с результатами параметрического анализа. Анализ проводился с помощью параметрического *t*-критерия Стьюдента для несвязанных выборок и подтверждался с помощью критерия Манна–Уитни.

различий не было выявлено (за счет снижения приоритета ценности *универсализма* у молодых мужчин). Наконец, к третьему замеру стали значимыми расхождения в *заботе о других*: приоритет заботы о других у молодых снизился, а у более взрослых, наоборот, вырос.

Сравнение между женщинами и мужчинами по каждому из трех замеров отдельно в двух возрастных группах

Анализ проводился с помощью параметрического t-критерия Стьюдента для несвязанных выборок и подтверждался с помощью критерия Манна—Уитни. Для молодых респондентов было установлено лишь одно устойчивое значимое различие, сохраняющееся на протяжении трех замеров: это *отношение к доминированию*, которое у женщин существенно ниже (см. таблицу 4). Также к третьему замеру у мужчин снизился *приоритет заботы и чувства долга*, по сравнению с женщинами.

Сравнение средних значений в подвыборках женщин и мужчин старше 29 лет показало другие результаты (см. таблицу 4). Были зафиксированы различия по *чувству долга*: у мужчин приоритет данной ценности устойчиво значимо выше. Это возможно объяснить тем, что женщины, на плечах которых традиционно лежит забота о семье, к чувству долга относятся как к чему-то само собой разумеющемуся, а потому не выделяют его в особую ценность.

Во время первого и второго замеров у мужчин старше 29 лет, по сравнению с женщинами из их возрастной группы, было значимо выше значение ценности *репутации*, однако к третьему замеру этот приоритет снижается и различия с женщинами стираются. С другой стороны, у мужчин к третьему замеру увеличивается приоритет *заботы о людях* и, наоборот, снижается приоритет *заботы о природе* (достигает первоначального уровня). Таким образом, динамика в различных половозрастных группах была зафиксирована для 10 ценностей из 19 хотя бы в одной группе. При этом наиболее «динамичными» (т.е. имеющими наибольшее число значимых различий с течением времени) оказались ценности женщин до 28 лет (зафиксировано изменение ценностей в 9 случаях из 10).

Сравнение ценностных приоритетов отдельно для женщин и мужчин из двух возрастных подгрупп

Анализ проводился с помощью ANOVA и подтверждался непараметрическим критерием для связанных выборок Фридмана. Было показано, что у женщин до 28 лет преобладают ценности *открытости к изменениям*: стремление к новизне и личному успеху во втором замере значимо упало, а к концу исследования вернулось в прежнее состояние. В таблице 5 показаны приоритеты ценностей женщин 29 лет и старше, для которых эффект снижения приоритета индивидуальных ценностей и рост приоритета коллективных ценностей сохраняются в несколько сглаженном варианте, чем был выявлен у молодых женщин.

Таблица 4

**Значимые различия средних значений в структуре ценностей мужчин и женщин
в каждом замере в разных возрастных группах**

Ценности	Первый замер (до пандемии)			Второй замер (во время самоизоляции)			Третий замер (после «второй волны»)		
	Ж	М	<i>p</i>	Ж	М	<i>p</i>	Ж	М	<i>p</i>
<i>Возрастная группа до 28 лет включительно</i>									
3. Стимуляция	0.075	0.163	0.777	-0.387	0.004	0.056	-0.068	0.146	0.440
7. Власть: доминирование	-1.265	-0.657	0.026	-1.224	-0.509	0.026	-1.255	-0.623	0.061
15. Благожелательность: чувство долга	0.827	0.830	0.828	0.933	0.619	0.081	0.892	0.402	0.039
16. Благожелательность: забота	0.827	0.702	0.676	0.776	0.594	0.202	0.858	0.377	0.015
19. Универсализм: толерантность	0.219	-0.144	0.107	0.227	-0.227	0.053	0.078	-0.136	0.288
<i>Возрастная группа от 29 лет включительно</i>									
8. Репутация	0.343	0.807	0.042	0.032	0.827	0.003	0.239	0.688	0.165
15. Благожелательность: чувство долга	0.477	0.881	0.011	0.537	0.938	0.004	0.504	0.873	0.035
16. Благожелательность: забота	0.620	0.881	0.250	0.508	0.530	0.930	0.524	1.021	0.021
18. Универсализм: забота о природе	-0.257	-0.823	0.097	-0.482	-0.840	0.308	-0.202	-0.904	0.039
19. Универсализм: толерантность	-0.009	-0.786	0.006	-0.035	-0.322	0.315	0.004	-0.756	0.006

Примечание. Ж – женщины, М – мужчины. Жирным шрифтом выделены *p*-значения, полученные по параметрическому критерию выборок, меньше 0.05. Жирным курсивом – *p*-значения, меньше 0.1. Результаты, полученные с помощью непараметрического аналога, во всех случаях согласуются с результатами параметрического анализа. Анализ проводился с помощью параметрического *t*-критерия Стьюдента для несвязанных выборок и подтверждался с помощью критерия Манна–Уитни.

Динамика отношения к ценности *достижения* у мужчин до 28 лет совпадает с динамикой, зафиксированной у женщин обеих возрастных групп.

К третьему замеру у женщин до 28 лет резко возросла значимость ценности *ресурсов*. У мужчин из этой же возрастной группы и у более взрослых женщин наблюдалась такая же динамика, но она была статистически не значима. У женщин обеих возрастных групп и у мужчин до 28 лет во втором замере возросла значимость ценности *безопасности*. Однако возрастание *личной безопасности* оказалось статистически значимым только для женщин, тогда как возрастание *общественной безопасности* – также и для мужчин из указанной возрастной группы. Для женщин обеих возрастных групп более важным во

Таблица 5

**Значимые различия по приоритету ценностей в динамике среди женщин и мужчин
в разных возрастных группах**

	Замеры			p
	1	2	3	
<i>Женщины до 28 лет</i>				
3. Стимуляция	0.075	0.387	0.068	0.002
5. Достижение	0.363	0.011	0.412	0.008
6. Власть: ресурсы	0.487	0.492	0.022	0.008
9. Безопасность: личная	0.284	0.266	0.148	0.006
10. Безопасность: общественная	0.356	0.861	0.325	0.001
11. Конформизм: правила	0.251	0.152	0.562	0.034
13. Скромность	0.552	0.283	0.595	0.004
14. Традиция	0.872	1.008	0.982	0.041
15. Благожелательность: чувство долга	0.827	0.933	0.892	0.058
<i>Женщины 29 лет и старше</i>				
3. Стимуляция	0.514	0.587	0.398	0.038
5. Достижение	0.199	0.492	0.094	0.001
9. Безопасность: личная	0.153	0.356	0.073	0.017
10. Безопасность: общественная	0.601	0.946	0.622	0.000
11. Конформизм: правила	0.199	0.032	0.417	0.006
15. Благожелательность: чувство долга	0.477	0.537	0.504	0.046
<i>Мужчины до 28 лет</i>				
5. Достижение	0.035	0.150	0.248	0.028
10. Безопасность: общественная	0.061	0.696	0.018	0.009
<i>Мужчины 29 лет и старше</i>				
16. Благожелательность: забота	0.881	0.530	1.021	0.018

втором замере оказалось следование правилам (*конформизм: правила*), а ценность *скромности* оказалась важной только для женщин первой возрастной группы.

Для респондентов до 28 лет оказалась менее приоритетной ценность *соблюдения традиций*, однако только в группе женщин динамика была признана значимой (возможно, у мужчин отсутствие значимости объясняется малым объемом выборки). И у женщин, и у мужчин по результатам второго замера было обнаружено усиление чувства долга.

Наиболее устойчивыми оказались ценности мужчин второй возрастной группы: только для одной ценности были выявлены значимые изменения. Результат уникален тем, что в других группах не было установлено динамики по данной ценности. Речь идет о *заботе*. Изначально у этих респондентов данная ценность была весьма высокой, во время пандемии снизилась, но после снятия режима самоизоляции стала еще выше, чем при первом оценивании.

Выявление значимых различий во времени от замера к замеру с использованием сравнения факторных структур ценностей на общегрупповых данных

Если трактовать ценности как мотивационные конструкты, а их объединения в факторы как интегральные мотивы, то можно сделать заключение об изменениях мотивационных структур.

Применительно к данным всех трех замеров был выполнен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с косоугольным вращением. В каждом из трех случаев (замеров) первичными пунктами выступали показатели по 19 шкалам опросника, соответствующие этому замеру. Во всех трех случаях было выделено 5 факторов. Во всех трех замерах можно говорить о наличии сходной по содержанию структуры ценностей. Однако во втором и третьем замерах были выделены специфические факторы: Ф2.5. Экология (+) ↔ Антропогенность (-), Ф3.5. Общественная безопасность (+) ↔ Личная безопасность (-).

В таблице 6 представлены выделенные факторы во всех трех замерах, сгруппированные по семантической близости в четыре блока: Индивидуальные

Таблица 6

Сопоставление ценностных категорий, выделенных в каждом замере

Ценности	Первый замер (до пандемии)	Второй замер (во время самоизоляции)	Третий замер (после «второй волны»)	Корреляции факторов между собой
Индивидуальные ценности ↔ Коллективные ценности	Ф1.1. Приоритет индивидуальных интересов (+) ↔ Приоритет общественных интересов (-) Ф1.2. Ценности развития (+) ↔ Следование общественным правилам во имя общей безопасности (-)	Ф2.1. Ценности развития (+) ↔ Следование общественным правилам во имя общей безопасности (-)	Ф3.1. Ценности самоутверждения (+) ↔ Консервативные ценности общественного характера (-)	Ф1.1, Ф1.2 = 0.230 Ф1.1, Ф2.1 = 0.620 Ф1.1, Ф3.1 = 0.746 Ф1.2, Ф2.1 = 0.535 Ф1.2, Ф3.1 = 0.548 Ф2.1, Ф3.1 = 0.676
Самостоятельность ↔ Следование традициям	Ф1.3. Самостоятельность (+) ↔ Следование традициям (-)	Ф2.3. Самостоятельность (+) ↔ Следование традициям (-)	Ф3.4. Самостоятельность (+) ↔ Следование традициям (-)	Ф1.3, Ф2.3 = 0.667 Ф1.3, Ф3.4 = 0.748 Ф2.3, Ф3.4 = 0.550
Патриархальный традиционализм ↔ Универсализм	Ф1.4. Элитарность (+) ↔ Толерантность (-)	Ф2.2. Гуманизм (+) ↔ Традиционализм (-)	Ф3.2. Универсализм (+)	Ф1.4, Ф2.2 = 0.725 Ф1.4, Ф3.2 = 0.560 Ф2.2, Ф3.2 = 0.658
Благожелательность	Ф1.5. Благожелательность (+)	Ф2.4. Благожелательность (+)	Ф3.3. Благожелательность (+)	Ф1.5, Ф2.4 = 0.621 Ф1.5, Ф3.3 = 0.681 Ф2.4, Ф3.3 = 0.559

Примечание. Корреляция между факторами определялась исходя из вычисленных по ним в ходе факторного анализа факторных баллов респондентов. Исходя из того, что последние вычисляются как нормальные стандартизированные переменные со средним 0 и стандартным отклонением 1, корреляция между факторами вычислялась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

ценности ↔ Коллективные ценности, Самостоятельность ↔ Следование традициям, Патриархальный традиционализм ↔ Универсализм, Благожелательность.

Достоверность сходства факторов подтверждается также и их статистически высокими парными корреляциями, представленными в последнем столбце таблицы 6.

Определение уровня личностной и ситуативной тревожности

Поскольку мы к основной причине динамики ценностей отнесли существенное повышение уровня тревожности с началом пандемии, то приведем здесь результаты опроса респондентов по методике Спилбергера–Ханина, определяющей личностную и ситуативную тревожность. В таблице 7 представлены показатели описательной статистики по выборке в целом. Статистически значимых половозрастных различий в этих показателях обнаружено не было.

Данные, представленные в таблице 7, свидетельствуют о нормальной распределенности показателей, а также о репрезентативности выборки и достоверности результатов. Вместе с тем, если исходить из общепринятых нормативных показателей, где интервал средней выраженности тревожности лежит в границах от 31 до 44 (https://ru.wikipedia.org/wiki/Методика_диагностики_самооценки_Спилбергера_—_Ханина), то можно предположить, что выборочное среднее для обоих видов тревожности равно 37.5. Показатели, близкие к этой величине, были получены в ряде исследований, в том числе и одного из соавторов этой работы (Первичко, 2020). На группе условно здоровых респондентов среднее было равно 37.7. По критерию теста Стьюдента для одной выборки мы сравнили эмпирическое среднее для обоих показателей с 37.5 и получили значимость нулевой гипотезы, свидетельствующей о том, что выборочное среднее совпадает с фиксированным значением обоих показателей < 0.001 . Таким образом, мы подтвердили факт значимого повышения тревожности у наших респондентов в начале пандемии.

Таблица 7

Описательная статистика показателей ситуативной и личностной тревожности по всей выборке в целом

Тревожность	Ситуативная	Личностная
Минимум	23	22
Максимум	71	67
Среднее	43.23	43.57
Ст. откл.	11.003	9.263
Асимметрия	0.472	-0.110
Экссесс	-0.187	-0.022
Знач. КС	0.629	0.304

Примечание. Стандартная ошибка асимметрии равна 0.235, эксцесса — 0.465.

Обсуждение

Полученные результаты показали, что во время пандемии COVID-19 ценностно-мотивационная структура оказалась достаточно устойчивой по содержанию, в том числе и у молодежи. Однако было установлено, что в периоды максимального возрастания угрозы жизни и благополучию меняется иерархия ценностей. Так, именно в период карантина коллективные ценности связываются с ценностями общественной безопасности и образуют единый фактор, имеющий наибольшую значимость. В посткарантинный период, когда опасность отступила, этот же фактор приобретает другой оттенок: важным становится противоположный полюс, сгруппировавший большое количество ценностей индивидуального характера.

Ценность здоровья, составляющая существенную компоненту личной безопасности, как показали полученные результаты, слабо коррелирует с другими ценностями, а потому не входит ни в один из выделенных факторов. Исключение — последний замер, в котором личные и общественные ценности оказались противопоставленными друг другу. Этот факт в определенной степени противоречит гипотезе Ш. Шварца о том, что топологически близкие (на круге) ценности должны положительно коррелировать (Schwartz et al., 2012). Однако, поскольку именно по границе этих двух ценностей проходит «водораздел» между индивидуальными и коллективными ценностями, можно предположить, что здесь проявилось противоречие между индивидуальным и коллективным началом. Возможно, сказалось наличие опасений респондентов относительно успешности работы государственного здравоохранения и общественного регулирования эпидемиологической ситуации.

Проведение факторного анализа на общегрупповых данных в разных замерах позволило получить сравнимые между собой факторные структуры и говорить о степени их сходства и об их динамике от замера к замеру. В ходе факторного анализа, выполненного на 19 переменных, каждая из которых соответствовала ценности первого уровня, проводилась их группировка в более «емкие» конструкты. Все полученные нами результаты соответствуют конструктам, указанным Ш. Шварцем как ценности второго, третьего и четвертого уровней (Schwartz, 2006, 2012; Шварц и др., 2012). Согласно Шварцу, топологически близкие ценности (расположенные на ценностном круге (см. рис. 1) близко друг от друга) могут быть объединены в ценности более высокого уровня. В разных случаях факторизация дала группировки ценностей разного уровня, от второго до четвертого, но абсолютно все они соответствуют возможным объединениям, указанным Ш. Шварцем (Schwartz, 2012; Шварц и др., 2012). И тот факт, что с помощью эксплораторного факторного анализа были выделены заранее заданные на ценностном круге группировки, подтверждает достоверность исследования и неслучайность полученных результатов, пусть и не на очень представительной выборке.

Говоря об ограничениях исследования, отметим, во-первых, достаточно малый объем мужской выборки (соотношение с женской выборкой 1:4), а также явное смещение возрастного распределения респондентов в сторону

более молодых (асимметрия возрастного распределения равна 1.038 при стандартной ошибке асимметрии 0.233), что также повлекло за собой превалирование в первой группе респондентов с более низким образовательным уровнем и не состоящих в браке.

Кроме того, данные, составившие так называемые замер 1 и замер 2, были получены в ретроспективе, когда респондент оценивает свое прошлое состояние по воспоминаниям. Такая практика достаточно распространена, и существование большого числа исследований с аналогичным дизайном позволяет говорить о корректности данной процедуры. Однако при ее использовании необходимо принимать во внимание возможность некоторой идеализации респондентами прошлого. Подобное искажение обычно тем более отчетливо, чем более стрессовый характер имело (или имеет) какое-либо из событий настоящего или оцениваемого прошлого времени.

В числе перспектив данного исследования видится продолжение анализа динамики структуры ценностей при переживании ситуаций, которые субъективно оцениваются респондентами как ситуации угрозы их жизни и благополучию.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Ценности индивидуального характера, ориентированные на приоритет интересов отдельного человека (быть может, и в ущерб общественным), отходят на второй план и становятся менее значимыми по мере развития пандемии COVID-19 как у молодежи, так и у лиц среднего возраста. Их актуальность снижается до тех пор, пока человек осознает угрозу своему привычному бытию.

2. По мере возрастания угроз здоровью и привычному образу жизни снижается приоритетность ценностей универсализма (толерантность, забота о других и природе) и во главу угла ставятся интересы общества, причем более высокого порядка, по сравнению с традиционными «консервативными» ценностями (соблюдение традиций и правил поведения в обществе и т.д.), а также возрастает значимость ценности безопасности. Выявленная динамика структуры ценностей в ситуации угрозы жизни и благополучию характерна как для молодежи, так и для более взрослых респондентов.

3. Несмотря на выявленную динамику ценностей в период пандемии, можно говорить об устойчивости ценностной системы: после того как субъективные переживания опасности ослабевают, ценностные предпочтения возвращаются к исходному уровню.

4. Обнаружены половозрастные различия в структуре и динамике ценностей. У мужчин в ситуации стресса и угрозы в большей степени оказываются выраженными ценности сохранения. Мужчины в возрасте 29 лет и старше более устойчивы в своих ценностных установках. При этом ценностные установки у мужчин в целом более устойчивы, чем у женщин. Следовательно, можно говорить о различиях в способах реагирования мужчин и женщин разного возраста на стрессовую ситуацию.

Литература

- Зубова, О. Г. (2020). Изменение структуры ценностей молодежи в современном российском обществе. В кн. Ю. П. Аверин (ред.), *Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России* (с. 20–22). М.: МАКС-Пресс. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547>
- Иосифян, М. А., Арина, Г. А., Николаева, В. В. (2019). Ценности и страхи: связь между ценностными предпочтениями и страхом перед нарушениями здоровья. *Клиническая и специальная психология*, 8(1), 103–117. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080107>
- Карабанова, О. А. (2005). *Возрастная психология. Конспект лекций*. М.: Айрис-пресс.
- Касатская, В. Н. (2020). Ценности качества жизни в период пандемии коронавируса (COVID-19). В кн. Ю. П. Аверин (ред.), *Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России* (с. 48–49). М.: МАКС-Пресс. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Леонтьев, А. Н. (1977). *Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие*. М.: Политиздат.
- Леонтьев, Д. А. (1998). Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. *Психологическое обозрение*, 1, 13–25.
- Маслоу, А. (2019). *Мотивация и личность*. СПб.: Питер.
- Островский, Д. И., Иванова, Т. И. (2020). Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (обзор литературы). *Омский психиатрический журнал*, 2-1S(24), 4–10. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10201>
- Первичко, Е. И. (2020). *Регуляция эмоций: Клинико-психологический аспект*. М.: Когито-Центр Москва.
- Первичко, Е. И., Митина, О. В., Степанова, О. Б., Конюховская, Ю. Е., Дорохов, Е. А. (2020). Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года. *Клиническая и специальная психология*, 9(2), 119–146. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206>
- Попова, С. И., Мкоян Г. С. (2020). Свободное время и ценности молодежи во время пандемии. В кн. Ю. П. Аверин (ред.), *Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России* (с. 115–116). М.: МАКС-Пресс. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Ржанова, И. Е., Алексеева, О. С. (2017). Различия ценностей мужчин и женщин. *Психологические исследования*, 10(55). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.353>
- Слободчиков, В. И., Цукерман Г. А. (1996). Интегральная периодизация общего психологического развития. *Вопросы психологии*, 5, 38–50.
- Тихомандрицкая, О. А. (2000). *Ценности и самоотношение на этапе юношеской социализации* [Кандидатская диссертация]. МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Тхостов, А. Ш., Рассказова, Е. И. (2020). Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? *Консультативная психология и психотерапия*, 28(2), 70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>
- Ханин, Ю. Л. (1976). *Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера*. Ленинград: ЛНИИФК.
- Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., Липатова, А. С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 43–70.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Asmundson, G., & Taylor, S. (2020). How health anxiety influences responses to viral outbreaks like COVID-19: What all decision-makers, health authorities, and health care professionals need to know. *Anxiety Disorders*, *71*, Article 102211. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102211>
- Bardi, A., & Goodwin, R. (2011). The dual route to value change: individual processes and cultural moderators. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *42*, 271–287. <https://doi.org/10.1177/002202211039691>
- Barni, D., Vieno, A., Roccato, M., & Russo, S. (2015). Basic personal values, the country's crime rate and the fear of crime. *Social Indicators Research*, *129*, 1057–1074. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1161-9>
- Boehnke, K., & Schwartz, S. H. (1997). Fear of war: relations to values, gender, and mental health in Germany and Israel. *Journal of Peace Psychology*, *3*(2), 149–165. https://doi.org/10.1207/s15327949pac0302_3
- Bojanowska, A., Kaczmarek, L. D., Koscielniak, M., & Urbańska, B. (2021). Changes in values and well-being amidst the COVID-19 pandemic in Poland. *PLoS ONE*, *16*(9), Article e0255491. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255491>
- Borg, I. (2018). Age- and gender-related differences in the structure and the meaning of personal values. *Personality and Individual Differences*, *138*, 336–343. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.10.013>
- Cieciuch, J., Davidov, E., & Algesheimer, R. (2015). The stability and change of value structure and priorities in childhood: A longitudinal study values in childhood. *Social Development*, *25*(3), 503–527. <https://doi.org/10.1111/sode.12147>
- Fischer, G. N., & Tarquinio, C. (2002). L'expérience de la maladie: ressources psychiques et changement de valeurs [Illness experience: psychic resources and values' change]. In G. N. Fischer (Ed.), *Traité de psychologie de la santé* [Treatise on health psychology] (pp. 301–319). Paris: Dunod.
- Gómez, S., Greenwood, R., Gutiérrez, J., Murphy, E., Teahen, J., Monserrat, S., Olivas-Luján, M., & Santos, N. (2013). Female and male value orientation types in the Americas: A new look. *Journal of Business Diversity*, *12*(2), 94–111.
- Hellevik, O. (2002). Age differences in value orientation — life cycle or cohort effects. *International Journal of Public Opinion*, *14*(3), 286–302.
- Iosifyan, M. A., Arina, G. A., & Nikolaeva, V. V. (2019). Values and fears: Value priorities and fear of health impairments. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], *8*(1), 103–117. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080107> (in Russian)
- Karabanova, O. A. (2005). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology]. Moscow: Airis-press.
- Kasatskaya, V. N. (2020). Tsenosti kachestva zhizni v period pandemii koronavirusa (COVID-19) [Quality of life values during the coronavirus pandemic (COVID-19)]. In Yu. P. Averin (Ed.), *Vliyaniye kachestva zhizni na formirovaniye tsennostnoi struktury naseleniya Rossii* [Impact of quality of life on the formation of the value structure in the Russian population] (pp. 48–49). Moscow: MAKS Press. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Khanin, Yu. L. (1976). *Kratkoye rukovodstvo k shkale reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti Ch.D. Spielbergera* [A brief guide to the scale of reactive and personal anxiety by Ch.D. Spielberger]. Leningrad: LNIFK.
- Leontiev, A. N. (1977). *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Leontiev, D. A. (1998). Tsennostnye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni [Value representations in individual and group consciousness: types, determinants, and changes in time]. *Psikhologicheskoe Obozrenie*, *1*, 13–25.

- Maslow, A. (2019). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter. (Original work published 1954)
- Ostrovskiy, D. I., & Ivanova, T. I. (2020). Influence of the new coronavirus COVID-19 infection on human mental health (Literature review). *Omskii Psikhiatricheskii Zhurnal*, 2-1S(24), 4–10. <https://doi.org/10.24411/2412-8805-2020-10201> (in Russian)
- Pervichko, E. I. (2020). *Regulyatsiya emotsii: Kliniko-psikhologicheskii aspekt* [Regulation of emotions: A clinical psychological aspect]. Moscow: Kogito-Tsentr Moskva.
- Pervichko, E. I., Mitina, O. V., Stepanova, O. B., Koniukhovskaia, J. E., & Dorokhov, E. A. (2020). Perception of COVID-19 during the 2020 pandemic in Russia. *Klinicheskaja i Spetsial'naya Psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 9(2), 119–146. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206> (in Russian)
- Popova, S. I., & Mkoyan, G. S. (2020). Svobodnoe vremya i tsennosti molodezhi vo vremya pandemii [Free time and youth values during a pandemic]. In Yu. P. Averin (Ed.), *Vliyanie kachestva zhizni na formirovanie tsennostnoi struktury naseleniya Rossii* [Impact of quality of life on the formation of value structure in the Russian population] (pp. 115–116). Moscow: MAKS Press. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547-8>
- Rossi, R., Soggi, V., Talevi, D., Mensi, S., Niolu, C., Pacitti, F., Di Marco, A., Rossi, A., Siracusano, A., & Di Lorenzo, G. (2020). COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy. *Frontiers in Psychiatry*, 11, Article. 790. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00790>
- Rzhanova, I. E., & Alekseeva, O. S. (2017). Differences in values between men and women. *Psikhologicheskiye Issledovaniya* [Psychological Studies], 10(55), <https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.353> (in Russian)
- Salari, N., Hosseinian-Far, A., Jalali, R., Vaisi-Raygani, A., Rasoulpoor, S., Mohammadi, M., Rasoulpoor, S., & Khaledi-Paveh, B. (2020). Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: a systematic review and meta-analysis. *Globalization and Health*, 16(1). <https://doi.org/10.1186/s12992-020-00589-w>
- Schwartz, S. (2006). A theory of cultural value orientations: explication and applications. *Comparative Sociology*, 5(2-3), 137–182. <https://doi.org/10.1163/156913306778667357>
- Schwartz, S. H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1), 3–20. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Schwartz, S., Butenko, T. P., Sedova D. S., & Lipatova, A. S. (2012). A refined theory of basic personal values: Validation in Russia. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, 9(2), 43–70. (in Russian)
- Schwartz, S. H., & Rubel, T. (2005). Sex differences in value priorities: Cross-cultural and multi-method studies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 89(6), 1010–1028. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.6.1010>
- Schwartz, S. H., & Rubel-Lifschitz, T. (2009). Cross-national variation in the size of sex differences in values: Effects of gender equality. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97(1), 171–185. <https://doi.org/10.1037/a0015546>
- Slobodchikov, V. I., & Tsukerman, G. A. (1996). Integral'naya periodizatsiya obshchego psikhicheskogo razvitiya [Integral periodization of general mental development]. *Voprosy Psikhologii*, 5, 38–50.
- Sortheix, F. M., Parker, P. D., Lechner, C. M., & Schwartz, S. H. (2019). Changes in young Europeans' values during the global financial crisis. *Social Psychology and Personality Science*, 10, 15–25. <https://doi.org/10.1177/1948550617732610>

- Steinert, S. (2021). Corona and value change. The role of social media and emotional contagion. *Ethics and Information Technology*, 23, 59–68. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09545-z>
- Tikhomandritskaya, O. A. (2020). *Tsennosti i samootnosheniye na etape yunosheskoj sotsializatsii* [Values and self-regard at the stage of youth socialization] [PhD dissertation]. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
- Tkhostov, A. S., & Rasskazova, E. I. (2020). Psychological content of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against Coronavirus or the “vicious circle” of anxiety? *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 28(2), 70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204> (in Russian)
- Town, S., Weber, J., & Nagy, N. (2022). Changes in business students' value orientations after the COVID-19 outbreak: An exploration. *Business and Society Review*, 127(S1), 253–282. <https://doi.org/10.1111/basr.12257>
- Verkasalo, M., Goodwin, R., & Bezmenova, I. (2006). Values following a major terrorist incident: Finnish adolescent and student values before and after September 11, 2001. *Applied Social Psychology*, 36(1), 144–160. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9029.2006.00007.x>
- Zubova, O. G. (2020). *Izmenenie struktury tsennosti molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve* [Changes in the structure of youth values in the modern Russian society]. In Yu. P. Averin (Ed.), *Vliyaniye kachestva zhizni na formirovaniye tsennostnoi struktury naseleniya Rossii* [Impact of quality of life on the formation of the value structure in the Russian population] (pp. 20–22). Moscow: MAKS Press. <https://doi.org/10.29003/m1980.978-5-317-06547>